

Перестройка в быденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя¹

Юлия Николаевна Ковалевская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: tupa67@mail.ru

В статье содержится анализ 69 сочинений о перестройке (1985—1991 гг.). Выявлено отношение современников к этому периоду истории СССР и его ключевым событиям. Анализируется, как, по мнению информантов, перестройка повлияла на повседневную жизнь страны, городов и сёл Дальнего Востока. Фиксируются личные высказывания, передающие дух эпохи в формулах живого языка.

Ключевые слова: Дальний Восток, перестройка, 1990-е гг., повседневность.

Perestroika as the everyday experience

(according to the memorials in the Far East of Russia).

Yulia Kovalevskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The 69 essays about Perestroika (1985—1991) are analyzed. Attitude to the Restructuring, the key events of the period, its influence to the daily life of the country, cities and villages of the Far East was researched. Personal statements that convey the spirit of the age in the free language forms are fixed.

Key words: Russia, Far East, Restructuring (1985—1991), daily life

В 2015 г. исполнится 30 лет перестройке. Юбилейные даты часто становятся поводом для актуализации интереса к прошедшему и подведения определённых итогов. Историки и социологи при изучении событий, которые считают важными, используют не только источники официального характера, материалы СМИ, мемуары известных интеллектуалов и лидеров мнения, политиков, но и впечатления и воспоминания рядовых жителей [1; 2; 4 и др.].

В ходе работы по гранту РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» было начато осуществление проекта «Напишем историю вместе...»: жителям Дальнего Востока было предложено написать небольшое сочинение, в котором отразились бы их личные воспо-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь». Проект № 13-01-00199.

минания о перестройке. На сегодняшний день мы имеем 69 сочинений, каждое объёмом 2—4 страницы рукописного текста. Возраст их авторов обусловлен характером исследования — в основном это люди старшего поколения, имеющие возможность сравнивать советскую, перестроечную и постсоветскую реальность. Среди них 49 женщин и 20 мужчин. Профессиональный состав респондентов чрезвычайно разнообразен: ученик средней школы, студент, м.н.с. ТИПРО, пекарь, доярка, нейрохирург, фармацевт, палеонтолог, режиссёр, кондитер, акушерка, паспортист, офицер ВМФ, геолог, библиотекарь, технолог, инженер, продавец, санинспектор, учитель, повар, врач, моряк-судоводитель, капитан. География охватывает почти весь регион: Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск, Корсаков, Комсомольск-на-Амуре, хотя из-за условий сбора больше сочинений с юга Дальнего Востока и Приморья: Владивосток, Находка, Усурийск, Партизанск, Дальнереченск, Дальнегорск, Лесозаводск, Арсеньев, Терней, Преображение, Трудовое, Киевка, Ивановка, Рошино, Благодатное. Для сравнения есть две работы из-за пределов Дальнего Востока (Ярославская область и Днепропетровск).

Основная цель проекта — создать независимый источник по истории перестройки, который отражает неофициальный, обыденный взгляд на этот период, содержит факты повседневной жизни. Кроме того, сочинения выявляют самый сложный для исследователя новейшей истории период: производство новых форм социальности, возникновение новых институтов из множества отдельных повседневных практик, т.е. соединение личной биографии и изменяющихся макросоциальных структур. В текстах также можно попытаться выявить законы исторической памяти, проанализировать, как соотносятся личные воспоминания и «большая история». Перефразируя название статьи Розалии Семёновны Черепановой «Вспоминая советское: общее прошлое, разная память» [4], мы, скорее, удивляемся тому, что разные люди с различным жизненным опытом в конце концов вырабатывают общую память.

Первое яркое впечатление от сочинений: их содержательное и стилевое единство, позволяющее воспринимать все работы как гипертекст. Несмотря на отличия по полу, возрасту, образованию, статусу и биографии, общность авторов как поколения, объединённого общей памятью, превосходит индивидуальные различия. Даже если респонденты по-разному отвечают на вопросы, ставят их они одинаково. Отчасти это свидетельствует о культурной гомогенности позднего советского общества, но не только. Чтение писем и мемуаров любой эпохи, например, пушкинской, даёт тот же эффект. Между А.С. Пушкиным и А.Ф. Бенкендорфом всё-таки больше общего, чем между последним и Л.П. Берией. Уникальный исторический опыт, зафиксированный в языке, — это главное достоинство источников личного характера — мемуаров, писем, дневников. К ним можно отнести и предлагаемые сочинения. Стилистика оригинальных текстов сохранена.

Причины перестройки или недостатки советского строя практически не нашли отражения в воспоминаниях. Только в двух из 69 работ

упоминаются несправедливость общественного устройства, вызвавшая недовольство и ставшая причиной перестройки:

«Советская система, по моим внутренним ощущениям, была несправедливой. Я это чувствовал по настроениям в школе» (АОСПИ, соч. 69).

«Было множество несанкционированных митингов по причине того, что в народе накопилось неосознанное недовольство, которое готово было вырваться наружу при первой же возможности... [В то же время] завоевание демократии представлялось большинству советских людей чистым интеллигентским бредом: «Нам бы талоны на мыло отоварить, а не вашей политикой заниматься», — так говорило и думало большинство» (АОСПИ, соч. 27).

Общая оценка перестройки респондентами — это прежде всего восприятие её как резкого перелома привычного образа жизни и конца целой эпохи. Современники могут оценивать перестройку полностью или частично положительно либо крайне негативно, но все сходятся в одном: «Это было начало новой эпохи в жизни СССР» (АОСПИ, соч. 68). Масштаб происходящего обозначается авторами в диапазоне от личного до планетарного.

Для молодых людей перестройка в первую очередь была чем-то свежим и любопытным: «Перестройка принесла новое не только в мою жизнь, а в жизнь, полагаю, всей планеты... Она стала началом гораздо большего процесса, который идёт до сих пор. Мне до сих пор интересно, какие именно силы вынесли на поверхность Горбачёва, какие силы поддерживали его и понесли наверх» (АОСПИ, соч. 69).

Люди, имеющие большой житейский опыт, отнеслись к перестройке более осторожно, но и они пережили период надежд: «И тут грянула перестройка. Люди с радостью и надеждой смотрели в будущее: «Что нас там ждёт? Наверняка мы будем жить лучше!» Появилась «свобода». Но в чем она была выражена? Рынок стал свободным и диким, начали рушиться госпредприятия, началась повальная безработица, зарплаты люди не видели по полгода» (АОСПИ, соч. 64).

«Многие люди поверили в перестройку в надежде на лучшее, но постепенно стали разочаровываться. Во всем был дефицит, нередко в очередях дрались за место» (АОСПИ, соч. 56).

В сочинениях отразились следы пережитого разочарования: «Перестройка — время фальши. Горбачёв много говорил, но на деле... Но... сама идея была правильная: демократизация жизни общества, либерализация экономики, совершенствование государственного управления» (АОСПИ, соч. 55, м., 1933 г. р., Владивосток).

Большая часть респондентов оценивает перестройку отрицательно по сравнению с советским периодом: «Особенно негативных воспоминаний о том периоде у меня не осталось, но и хорошего тоже ничего не происходило. Просто в один момент всё рухнуло. То, во что мы так верили, вдруг перестало существовать» (АОСПИ, соч. 28, м., 1958 г. р., Южно-Сахалинск).

«Хорошие ожидания светлого будущего, как писали в газетах, конечно, не оправдались! Остался огромный негативный след по отношению

к политике Горбачёва М.С., поэтому перестройка как мной, так и моими родственниками воспринималась негативно» (АОСПИ, соч. 48).

В значительной части сочинений период перестройки расширяется на все 1990-е и даже 2000-е гг., она воспринимается как начало конца:

«Перестройка ничего хорошего не дала. В стране стал беспредел (во всех отношениях), т.е. коррупция, воровство, взяточничество» (АОСПИ, соч. 50).

«Время до перестройки и после можно соотнести как небо и землю. После перестройки закрыли все заводы, комбинаты, люди потеряли работу. Жили в основном в долг, денег не было» (АОСПИ, соч. 49, ж., 1950 г. р., Дальнереченск).

«Перестройка нового ничего не принесла, а только хуже стало... Хорошо ухудшилась жизнь... Всё дорожает, а зарплату не поднимают» (АОСПИ, соч. 8).

«Можно сделать такой вывод, что ничего хорошего перестройка в жизнь простого народа не принесла. Позакрывали много предприятий, столовые, воинские части. У людей забрали огороды под строительство домов, коттеджей» (АОСПИ, соч. 45).

Если перестройку оценивают положительно, то по отношению к современности, а не к СССР: «Почему-то все ругают перестройку, называя её трудным периодом. Мол, дефицит, ничего нет, никаких возможностей. Безусловно, были трудности, но разве сейчас их нет? Как по мне, так сейчас все наши проблемы намного сложнее, чем тогда... В первую очередь, можно судить по детям... У детей перестройки не было новомодных гаджетов, компьютерных игр и Интернета. И от этого никто не страдал. Дети вели активную жизнь, играли на улице, катались на велосипедах. А самое главное — общались. Не по Интернету, не смс-ками, а по-настоящему. Вживую... Может, это был и не самый благополучный период, но, сравнивая его с настоящим, я рада, что жила в то время. По-крайней мере, есть, с чем сравнивать» (АОСПИ, соч. 36, ж., 1970 г. р., пос. Преображение).

Ярко проявляется противоречие между ухудшением общего положения (социальной среды) и увеличением пространства личных достижений: «Самые тяжёлые годы пришлись на перестройку. До перестройки всё было стабильно: своевременная зарплата, бесплатное обучение и медицина... В годы перестройки стабильность и система — всё разрушилось. Люди стали терять работу. Зарплата не выплачивалась по шесть месяцев... После перестройки появилось больше возможностей заработать, возможность обучаться, повышать своё образование, возможность путешествовать и принимать участие в жизни и обустройстве города путём голосования и личного участия в развитии города... Люди стали более свободны. У каждого появилась возможность улучшить свою жизнь. А главное — появилась возможность выбирать» (АОСПИ, соч. 34).

«...До перестройки всё было как в болоте: никакого стимула. Никто не задумывался о завтрашнем дне, а перестройка дала понять, что надо что-то или всё менять и думать о будущем. Ну, а в город перестройка принесла безработицу, бардак, хамство, торгашей и развал всего» (М., 1956 г. р., Находка).

Звучит также осознание того, что есть вещи, которые должны оставаться неизменными при любых переворотах: «Перестройка внесла смуту в жизни людей. Но удивительно то, что даже в такое трудное время все старались помогать друг другу и люди оставались людьми» (АОСПИ, соч. 37, м., 1968 г. р.).

Образы руководителей перестройки отразились в народной памяти очень скупо. Общепризнанные «прорабы перестройки» и реформаторы 1990-х гг. А. Яковлев, Н. Шмелёв, Г. Попов, В. Коротич, Г. Старовойтова, Е. Гайдар, А. Чубайс, и др., возможно, думающие, что народ их любит и ценит, в крайнем случае — ненавидит, напрасно обольщаются. По крайней мере, наши данные этого не подтверждают. Большая часть авторов воспринимает перестройку и последующие реформы как абсолютно безличный процесс, вроде эпидемии чумы. Меньшая — упоминает только первых лиц государства: Л.И. Брежнева, Ю.А. Андропова, М.С. Горбачёва, Б.Н. Ельцина. Иных персоналий в сочинениях нет (за исключением писателей, которых разрешили читать в то время, — Пастернака, Набокова, Солженицына).

«До перестройки... все работали и всё работало... Наступила перестройка. Правда, ухудшения в жизни почувствовались, ещё когда ушёл из жизни Л.И. Брежнев. В этот день во Владивостоке шёл снег.

Дальше после Черненко и Андропова и постоянного траура в стране к власти пришёл Горбачёв. Наступила гласность, и вместе с ней стали исчезать продукты с прилавков магазинов» (АОСПИ, соч. 51, ж., 1960 г. р.).

Пожилыми людьми перестройка могла восприниматься как очередная пропагандистская кампания: «Помню, как выбирали М.С. Горбачёва. Мой брат ходил и объяснял нашей бабушке, что теперь можно будет говорить обо всём, какие будут «блага» для людей. А бабушка? Она слушала и улыбалась — она видела такие «блага» — Сталин, Берия, Хрущёв, Брежнев. Она молчала и, вероятно, думала о своём. Ей было за 70. Сколько ещё проживёт? Нужно ли верить? А может, снова помянут как пряником, а потом — кнут?» (АОСПИ, соч. 26).

Один из респондентов чётко обозначил разницу в отношении к М.С. Горбачёву и перестройке интеллигенции и людей более прагматичных: «Автором перестройки был Горбачёв, и отношение к нему у всех складывалось разное. Люди, для которых главной ценностью было чувство свободы, приняли изменения восторженно. А люди, для которых на первом месте была забота о сытости детей, восприняли отрицательно, т.к. прилавки опустели, продукты не покупались, а „доставались“» (АОСПИ, соч. 66).

«Что такое перестройка?.. Придумал её Горбачёв М.С... Перестройка внесла в жизнь людей гласность и др. дребедень. Разрешили читать Блока, Пастернака и Солженицына, но от этого обычным людям не было ни тепло ни холодно. Им хотелось вкусно поесть и хорошо одеться. А этого они были лишены!.. Не помнит город то время... Помнит последний день перестройки. 21 августа 1991 г. она летела от [матери] из г. Ульяновска через Мо-

скву домой. Во Владивостоке её встретил [муж], и от него она узнала, что произошло². И ей было всё равно: главное, что она дома!» (АОСПИ, соч. 45).

«Гласность, провозглашённая Горбачёвым, открыла для советских граждан многие свободы, в том числе свободу слова... После стольких лет закрытости во всех смыслах государство выплеснуло столько новой информации, что она ошарашивала... Граждан довольно свободно стали выпускать за границу, открылись новые возможности проведения отпуска и новые впечатления о мире...

Болезненным было разрушение СССР, но вся жизнь того периода... дарила столько надежд на свободу и лучшую жизнь... Обратного в прошлое не хотелось, и на выборы Ельцина люди бежали вопреки всем предостережениям коммунистов» (АОСПИ, соч. 35, ж., 1964 г. р., Петропавловск-Камчатский).

Сочинения доносят до нас как непосредственные впечатления той эпохи, так и выводы, сделанные 20—30 лет спустя: «Горбачёв выгодно отличался от предыдущих генеральных секретарей ЦК КПСС своей энергичностью и... относительной молодостью. Действительно верилось, что он искренне хочет изменить нашу жизнь в лучшую сторону... К сожалению, начатая Горбачёвым перестройка провалилась... верхушка власти, почуяв запах внезапно свалившихся денег, безудержно начала растаскивать государство» (АОСПИ, соч. 29, м., Владивосток).

«...Товарищ Горбачёв — человек, который развалил государство, непоколебимо существовавшее 70 лет. Вначале его поддерживали. Но вскоре стало ясно, что к власти пришёл дилетант, а может, и просто очень хитрый и расчётливый человек. Ведь он участвовал в объединении ГДР и ФРГ, за что является лауреатом Нобелевской премии. И сейчас проживает на территории Германии. То есть свою страну этот человек развалил, народ обокрал, но зато Германию объединил» (АОСПИ, соч. 32, м., 1965 г. р., Владивосток).

Разумеется, в воспоминаниях преобладает обыденное, образно-эмоциональное восприятие перестройки, но один молодой человек (в то время учился в пятом классе) подходит к характеристике перестройки очень рационально: «...Многие говорят как минимум с неприязнью, а как максимум с ненавистью о Горбачёве, а потом о Ельцине, я не поддерживаю такие мнения. Мне более интересно, кто или что на самом деле стояло за этими процессами» (АОСПИ, соч. 69, м.).

Ключевые события перестройки, которые выделяют авторы большинства сочинений, — это гласность и антиалкогольная кампания. Имеются упоминания об обещаниях Горбачёва предоставить каждой семье отдельное жильё к 2000 г. и о катастрофе на Чернобыльской АЭС. Некоторые относят к этому периоду и более поздние явления: свободную торговлю, приватизацию (ваучеризацию), развал производства и безработицу, разгул криминала. Характерно, что практически никто не упоминает о главной декларированной цели перестройки — «ускорении», т.е. выводе

² Речь идёт о попытке государственного переворота, совершённого ГКЧП.

производства на новый уровень развития, повышении производительности труда и т.д. Либо эти идеи никогда особенно не привлекали население, либо они забыты, т.к. сбылись с точностью до наоборот.

«Перестройка дала мозгам толчок, пересмотрев наши пионерско-комсомольские идеалы» (АОСПИ, соч. 20, ж., 1962 г. р., Владивосток).

«По ТВ с утра до ночи начали показывать действительность» (АОСПИ, соч. 15, ж., 1960 г. р.).

«...Цензура... была снята, что привело к огромному наплыву информации о политических, экономических и культурных делах страны. Иногда было страшно включать новости, потому что стали показывать всё катастрофы, наводнения и оползни. И то, чего раньше не показывали и скрывали от людей, стало общедоступным и пугало» (АОСПИ, соч. 68).

«С 1985 г. по ТВ и в газетах стало открываться много правды о событиях, происходящих в нашей стране. Можно сказать, произошёл подъём в общественном сознании, народ стал осознавать коренные изменения во всех сферах общественной жизни» (АОСПИ, соч. 48, ж., 1942 г. р., Дальнегорск).

«В те годы был принят антиалкогольный закон, который был направлен на борьбу с пьянством и алкоголизмом. Хорошую идею, как всегда, претворяли в жизнь с перегибами — это «комсомольские» безалкогольные свадьбы с чайниками «чая» на столах, отчисления из институтов после сигнала о появлении в нетрезвом виде» (АОСПИ, соч. 22).

«На четыре ваучера я смогла купить детский спортивный костюм и кроссовки для ребёнка-первоклассника. Часть моей собственности по ваучерам была продана мной за бесценок, и таким образом были обмануты многие люди в те годы» (АОСПИ, соч. 64).

«Во время перестройки корабли продавались, большинство моряков остались без работы. Книги не читались. Свет отключали на три дня, горячей воды не было, стоял разгул криминала, Горбачёв объявил амнистию. Тогда же Андропов принял жёсткие меры к нарушителям трудовой деятельности. Невозможно было посмотреть кино, послушать музыку, сходить в кафе и т.д. Алкоголь не продавался» (АОСПИ, соч. 62).

«Самым страшным напоминанием о периоде перестройки и её мрачным символом для меня стала авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. В школе были проведены классные часы и всем было понятно, что последствия этой катастрофы отразятся на здоровье и жизни десятков миллионов людей нескольких поколений» (АОСПИ, соч. 24, ж., 1973 г. р., Владивосток).

В ответах на вопрос: **«Что нового принесла перестройка в жизнь вашего города (посёлка)?»** — большинство авторов рисуют удручающую картину развала производства и разрушения социальной среды.

«Во времена СССР у нас был богатый чистый город... Во время перестройки развалилась вся страна и, конечно же, наш город» (АОСПИ, соч. 61).

«В г. Владивосток я живу с 1964 г. Помню свой первый приезд в город вечером на электричке, отражение неоновых огней в заливе, город чистый. Замечательные люди... [В перестройку] было странно и непонятно,

что будет с нами дальше. В городе стало грязно и неудобно, отключение электроэнергии, воды. Невыплата зарплаты... Всё познаётся в сравнении. Остаюсь при своём мнении: менять нужно было экономику, но не государственный строй» (АОСПИ, соч. 44, ж., 1945 г. р., Владивосток).

Многие связывают негативные тенденции со снятием пограничного статуса территорий (Сахалинской обл., Владивостока, Находки): «Владивосток был закрытым портовым городом... В городе была спокойная, размеренная жизнь. Всё было доступно для населения... [Когда] Владивосток стал открытым городом, жизнь стала значительно хуже» (АОСПИ, соч. 5, ж., 1939 г. р.).

Респонденты считают, что не только городская среда, но и горожане до перестройки были лучше: «Город до перестройки был гораздо чище, чем сейчас, люди были более культурными и старались нигде не мусорить. Город был зелёным, было много деревьев, очень много клумб, на которых цвели цветы, было много свободного пространства, мало машин, очень много детских площадок (а сейчас даже машину припарковать негде). Сами люди были сплочённее и дружнее, соседи ходили друг к другу в гости и было весело» (АОСПИ, соч. 56).

«Город Находка был до перестройки чистым, зелёным, цветущим... Люди были уверены в завтрашнем дне... [После перестройки] произошёл полный развал страны, того времени... Люди потеряли себя. Произошла ваучеризация страны. Экономика была на нуле. Стали происходить массовые сокращения производств, росли задолженности по зарплате. У мужчин выбили почву из-под ног.. Это было время безнадёги. Люди были на грани выживания» (АОСПИ, соч. 40, ж., 1944 г. р., Находка).

Особенно тяжёлым было положение в моногородах, где закрывались основные производства: «[Партизанск]... Это шахтовый город... их было где-то 6, а постепенно они стали закрываться... Шахты закрывали, и их разворовали, растащили... Мне пришлось уйти из столовой, т.к. её закрыли и разворовали... Был очень красивый с большими качелями парк, с распадом СССР их забыли и забросили, даже сейчас они стоят заброшенные, никому не нужные... Ничего хорошего не стало» (АОСПИ, соч. 9, ж., 1953 г. р.).

«...До перестройки город Партизанск был перспективным, богатым и процветающим городом... С перестройкой... связывают то, что Партизанск сейчас находится в таком плачевном состоянии» (АОСПИ, соч. 41).

«До перестройки Арсеньев был молодой, красивый, развивающийся город. Работали два мощных градообразующих предприятия: «Аскольд» и «Прогресс»... Работали кинотеатры, дворцы культуры, парки развлечений. Когда началась перестройка, начались массовые сокращения на заводах. Люди теряли работу, а те, кто ещё работал, не получали зарплату по два, три месяца... Я пошла работать в ночной киоск продавцом, чтобы иметь возможность зарабатывать хотя бы небольшие деньги и покупать продукты... Надеюсь, такого ужасного опыта у меня больше не будет» (АОСПИ, соч. 14, ж., 1959 г. р., Арсеньев).

«До перестройки наш город был процветающим, продукция нашего «Химкомбината» расходилась по всему миру.. работало 7000 человек. А сейчас на этих градообразующих заводах работает всего-навсего 1000 человек... В городе было 6 строительно-монтажных управлений — сейчас не работает ни одно... Это было ужасное время, зарплату не платили, еда была по талонам, километровые очереди, неотапливаемые квартиры, в магазинах ничего не было» (АОСПИ, соч. 10, ж., Дальнегорск).

«...Годы перестройки принесли в мой город огромный «бум» развития. Появилось множество новостроек, заводов, предприятий... Но к 1991 г. всё закрыли и не успели достроить... Были огромные сокращения рабочих мест в каждой сфере... К концу 1991 г. страна была развалена» (АОСПИ, соч. 16, м., 1940 г. р., Лесозаводск).

Жителей посёлков постигла та же участь: закрытие промышленных производств и распад совхозов.

«После Перестройки... жизнь ухудшилась... На заводе работают всего 200 человек. Военские части разорены и разбиты. В посёлке стоят пустые дома, на которые страшно смотреть. Лучшее, что мы смогли сделать, — это уехать» (АОСПИ, соч. 42, ж., 1951 г. р., п. Дунай).

«До перестройки в нашем селе Рощино Красноармейского района было много всего. Рощинский леспромхоз, таёжная экспедиция, сельский совет, школа, больница, музыкальная школа, 2 кондитерских цеха, 2 клуба, 2 детских сада. Одним словом, люди работали... Ничего хорошего о перестройке сказать нельзя. Развал предприятий, безработица, пустые магазины, пропали банковские вклады, люди выживали, как могли. Появились талоны на продукты» (АОСПИ, соч. 38).

«Работала с 1985 г. в совхозе Ивановский (Михайловский район) диспетчером. Совхоз имел... молокозавод, дойное стадо до 1000 голов, молодняка 600 голов, свиней до 300 голов. Зерновых... до 1500 га, картофеля 500 га... В с. Ивановка наряду с совхозом работали хлебозавод, пчеловодческий совхоз «Нектар», лесозавод, лесоцех, производственно-механизированная колонна, большой автогараж, десятилетняя школа, больница. После перестройки совхоз «Ивановский» перестал существовать, всё разрушено. Здания и фермы разрушены... Землю раздали бывшим работникам совхоза, которые так и не смогли её оформить на себя, впоследствии земля была скуплена предпринимателями за бесценок... пришла в запустение, поросла бурьяном» (АОСПИ, соч. 12).

Повседневность перестроечной эпохи отражена в сочинениях детально и разнообразно. Причём наиболее ярко респондентам запомнились утраты (прежде всего работы и привычного социального уклада) и новшества (новые идеи, вещи, продукты, отношения между людьми) того времени:

«...Всё „сдохло“. Открылись первые пункты приёма металлов, для многих безработных это был единственный источник доходов. Особенно для тех районов, [где закрылись] градообразующие предприятия. Летом собирали дикоросы и торговали вдоль дорог. До этого в таком масштабе не было: здоровый мужик и торгует вдоль дороги. Людям надо было на что-то жить.

У кого была коммерческая жилка, те покупали, перепродавали по посёлкам (ширпотреб брали партиями, обувь, одежду), а в городах лепили и продавали пирожки. Пенсионеры кормили всю семью, т.к. зарплаты не было... Муж стал зарабатывать „лёгкие деньги“ (устанавливать двери железные) и стал пить. Мы могли бы купить квартиру, если бы он копил, а не тратил на водку» (АОСПИ, соч. 43).

«Перестройка дала... желание попробовать себя в новом. Пробовали работать частными предпринимателями в сауне, в торговле, в автобусном бизнесе. В итоге вернулись к своим профессиям, зарабатывая пенсию на государственном поприще» (АОСПИ, соч. 20).

Для многих перестройка и 1990-е были «периодом приключений», когда люди круто изменили свою жизнь (работу, место жительства), освоили промыслы. Горожане вспоминали о своих крестьянских корнях и заводили хозяйство: огороды, коров, коз и т.д. Но после нормализации жизни в 2000-х гг. большинство вернулось к своим профессиям. Таким образом, мелкий бизнес был вынужденной практикой выживания и способом попробовать себя в новой области. Преуспевшие (их было немного) закрепились в предпринимательстве, остальные вернулись к работе по специальности (вышли на пенсию). Попутно произошло расслоение сравнительно гомогенного советского общества, возникли новые социальные группы.

«Я тоже в 1991 г. стала заниматься торговлей всякой мелочью — батарейки, лампочки, переноски, игрушки. Сначала было непривычно, а потом втянулась. Когда за выходные удавалось заработать почти месячную зарплату на заводе (которая задерживалась месяцами), поневоле быстро уходили мысли, что все эти годы ты учился совсем не этому и совсем не так представлял свою карьеру... Из нас не вышло крупных предпринимателей... Сейчас мы оба работаем по специальности» (АОСПИ, соч. 22, ж., 1969 г. р., Уссурийск).

«Не хватало денег на хлеб. Держали корову, продав 1 литр молока, можно было купить или булку хлеба, или полкило сахара. Была талонная система продажи необходимых продуктов и товаров. Сахар, мыло, спички, стиральный порошок, — всё по талонам, как во время войны» (АОСПИ, соч. 64).

«Зарплата... была маленькая, могли месяцами не выплачивать, а потом, спустя какое-то время, начали выдавать зарплату миллионами раз в год. Хорошо, что жила в селе и спасала от голода скотина: молоко, яйца, творог, сметана всегда были; также спасал огород (картофель, овощи)» (АОСПИ, соч. 47, ж., 1963 г. р., с. Киевка Лазовского р-на).

Детский взгляд на перестройку отражён в других воспоминаниях: «...Вся жизнь моя была похожа на светлый и добрый день... Весь двор был большой дружной семьёй, где дети гуляли без опаски до темна, где всегда можно было попросить помощи у любого соседа... И вот наступил тот день, когда мой мир начал меняться... Одно из острых воспоминаний — это очередь! Даже не очередь, а очередица! Очередь в магазин,

где я стояла за обычным мылом... Мне казалось, что я в потоке реки, где можно споткнуться о невероятную человеческую жестокость. Все кричали. Крик переходил в брань... толстые тётки оскорбляли друг друга словами, что повторять считалось неприличным. А стояли всего лишь за обычным мылом...

Детство в период перестройки — это ощущение маленького детского счастья в мире огромных жизненных проблем» (АОСПИ, соч. 13, ж., 1978 г. р., Владивосток).

Обобщив ответы на вопрос: «**Что нового принесла перестройка в вашу жизнь?**», — можно сказать, что она воспринимается респондентами как период, когда общее социальное пространство распалось и деградировало, но зато значительно расширилось пространство личных возможностей.

В первый период перестройки больше всего выиграла интеллигенция — люди читающие, пишущие, занимающиеся творчеством: «...Появилась свобода в творчестве. Я смог возродить традиционные праздники, впервые за 70 лет, такие как Рождество и Масленица. Я мог творчески выражаться. И, наконец, исчезли те творческие барьеры, которые были при советской власти» (АОСПИ, соч. 53, м., 1943 г. р., Владивосток).

Вместе с «ускорением» улучшилось положение квалифицированных и добросовестных работников: «До перестройки на предприятиях начальника назначали, а во время перестройки это была выборная должность, что очень порадовало меня. Мои коллеги выбрали меня начальником химического цеха практически единогласно... Мой [муж] смог свободно уехать работать за границу, до перестройки это сделать было невозможно... В общем, [я] была довольна перестройкой, и на [мою] жизнь она повлияла не слишком пагубно» (АОСПИ, соч. 68, ж.).

«Хотя многие «хают» власть того времени, я лично ничего плохого сказать не могу.. Работала я тогда на «Радиоприборе». Причём я рада тому, что при Горбачёве мы все работали с выработки, т.е. сколько работаешь — столько и получаешь. Раньше как было: работаешь ли ты или на больничном, а зарплату все одинаковую получали. А как ввели систему выработки, так все «больные» повыздоровливали тут же, и не приходилось нам за них лишнюю работу делать» (АОСПИ, соч. 25, ж., 1950 г. р., Владивосток).

Для многих перестройка — период коллективной травмы, в воспоминаниях отражается опыт её переживания и преодоления. Достойное преодоление суровых испытаний — это то, что даёт людям право на самоуважение.

«Меня лично эта перестройка очень бесила из-за того, что от моих денег ничего не осталось и что приходилось часами стоять за пакетом макарон» (АОСПИ, соч. 18).

«Лично для меня перестройка принесла неуверенность в будущем, нестабильность, постоянную заботу о материальном обеспечении, неуверенность в искренности окружающих людей. Я живу воспоминанием до-

перестроечного времени и не думаю, что я такой один. Да, сейчас всё есть, но это уже не интересно, нет той культуры, дружбы» (АОСПИ, соч. 58, м., 1961 г. р., Владивосток).

«Если говорить об изменениях после перестройки, то они, конечно, есть, и я считаю, что не в лучшую сторону. Люди стали делиться на богатых и бедных, из-за этого появились и злость, зависть. Изменение ценностей в обществе, снижение культуры» (АОСПИ, соч. 66).

«Но всё-таки время перестройки прошло, жизнь начинает налаживаться и, возможно, пережив тяжёлые времена, увидим лучшее, ведь мы верим, что наша страна самая сильная, самая большая, самая любимая» (АОСПИ, соч. 64).

«Перестала доверять властям и депутатам. Узнала много новых технологий приготовления различных блюд, в том числе иностранных. Работу повара не поменяла, так же честно и усердно продолжала трудиться. Научилась орудовать новой техникой» (АОСПИ, соч. 62, ж., 1961 г. р.).

«С уверенностью можно сказать: перестройка дала мне огромный жизненный опыт. Вся жизнь моих родителей была связана с шахтой... мой муж... устроился работать на шахту Центральная проходчиком. В 1995 году у меня родился сын. И начались трудности, по 7—8 месяцев шахтёрам не платили зарплату, иногда привозили «трофейные» мясо кенгуру и рыбу, которые продавали «под зарплату» на шахте...

Спасали... огороды... Именно благодаря перестройке я научилась окупивать картошку, солить капусту и огурцы, варить из одного куриного окорочка сразу два блюда и тушить картошку с морковкой, но так, чтобы казалось, что там есть мясо» (АОСПИ, соч. 41, ж., 1975 г. р., Партизанск).

«Приучила перестройка к работе на земле, к дачам, к усадьбам, к огородам» (АОСПИ, соч. 10, ж., 1956 г. р., Дальнегорск).

«В нашу жизнь перестройка принесла больше забот о детях и внуках, которым мы помогали и помогаем до сих пор всем, чем могли. Мы завели корову, кур и садили огородов до 40 соток, которые обрабатывали вручную, и ещё работали на предприятиях, вообще жили коммуной. Я ушла на пенсию в 1997 г. и проработала ещё на пенсии до 2012 года» (АОСПИ, соч. 38, ж., 1947 г. р., п. Рошино).

«Что нового принесла в мою жизнь перестройка? Она научила меня жить и выживать. И я была молода» (АОСПИ, соч. 51, ж.).

Анализ сочинений в целом показывает, что собственно перестройка (1985—1991 гг.) в исторической памяти дальневосточников воспринимается как переходный этап, разделяющий стабильную советскую эпоху и динамичный период 1990-х гг. Тексты воспоминаний позволяют утверждать, что первоначальная оценка перестройки многократно изменялась и уточнялась, причём это диктовалось прежде всего сравнением с актуальной ситуацией и вырабатывалось в процессе многократного обсуждения. Оценка позднего советского периода как «бедного», «скучного», «застойного» сменилась ностальгией по «стабильности» и «безопасности». Вместо «надежд» пришло разочарование. В целом восприятие

перестройки не выходит за рамки представлений о «нормальных», повседневных, житейских ситуациях. Девяностые годы оцениваются более негативно и драматично, но только поколением 1960—1970 гг. рождения. Для тех, кто пережил коллективизацию и войну, трудности «бурных девяностых» представляются весьма умеренными.

Среди утрат постсоветского времени для большинства респондентов самыми болезненными были распад производства и закрытие предприятий. И это не случайно, т.к. для советского общества работа была местом социальной реализации (например, женщина, покупая новую шубу, в первую очередь думала, какой будет реакция не мужа и соседей, а коллег). С работой были связаны не только зарплата, но и жильё, детский сад, детские летние лагеря, санатории и пр. Разрушение этой ключевой сферы повседневной жизни имело самые тяжёлые последствия. Тем более, что дальнейшее развитие российского общества не привело к полноценному развитию институтов, которые могли бы компенсировать утрату. Если в западных странах социальная жизнь на повседневном уровне организуется либо по месту жительства (местное самоуправление, церковный приход и т.п.), либо по интересам (клубы, кружки, субкультуры), то в России в 1985—1990-е гг. социальность сжалась до размеров семьи и ближайшего дружеского окружения.

Восстановление разорванных социальных связей, компенсация пустоты, вызванной уходом государства из сферы производства и распределения повседневных благ, поиск новых смыслов жизни — это немалый труд, который осуществило поколение, пережившее перестройку, что даёт этим людям основание для самоуважения. Как личное достижение ими переживаются не только какие-то видимые успехи (известность, богатство, статус), но и чувство полноты опыта, успешного преодоления «безвременья», «распада связи времён». Кстати, респонденты демонстрируют, на наш взгляд, здравый смысл, здоровый прагматизм и стремление опираться «на собственные силы» — те ценности, которые считаются буржуазными и присущи среднему классу.

Известные интеллектуалы, политики, СМИ вносят посильный вклад в формирование коллективной памяти о перестройке, но вряд ли его стоит переоценивать. Официальные формулы, оценки, публицистические штампы, безусловно, обнаруживаются в воспоминаниях, но обычно используются с ироническим отстранением, «в кавычках». Кроме того, за очень редким исключением, со временем они как бы «выветриваются» вместе с именами их авторов. Не оспаривая распространённого убеждения о «мифологичности» исторической памяти, можно уверенно сказать, что содержание этих «мифов» не является произвольным и кем-то сознательно навязанным. Провал попыток создать по заказу «национальную идею» или выстроить с помощью политтехнологий нужный «имидж» политике доказывает, что за стереотипами общественного сознания стоит некая реальность, и если это не реальность объективного факта, то внутренняя психологическая потребность, т.е. тоже социальный факт особого рода.

Мнения некоторых учёных и публицистов о том, что восприятие советского прошлого, как утраченного и пока недостижимо высокого уровня развития, объясняется «ностальгией по молодости» и «мифом о золотом веке» противоречат фактам. Любой непредвзятый исследователь может сам наблюдать то, о чем пишут авторы воспоминаний: в каждом городе (или посёлке) Дальнего Востока — развалины брошенных заводов, фабрик, школ, больниц, совхозных ферм. И на руинах «отсталых» советских индустриальных предприятий растут не «передовые» и «инновационные» производства, а берёзы и бурьян.

Привычный для людей мир рухнул не только в их сознании. В действительности перестали существовать те места, где раньше работали и отдыхали (дома культуры, стадионы, санатории, сельские клубы). И этот обвал отнял у людей намного больше, чем они получили при переходе к рыночной экономике и демократии. Тем более, что рынок в 1990-е гг. пришёл только в виде «челноков» с огромными сумками, а «демократия» — в виде местной власти, которая формально несёт за всё ответственность, но не имеет никаких ресурсов для решения проблем. Замена советских форм взаимной солидарности, социализации новых поколений, передачи трудовых навыков на более совершенные не произошла, по крайней мере, в малых городах и посёлках Дальнего Востока.

Представленные сочинения позволяют утверждать, что в памяти современников прочно закрепляются не слова, услышанные с высоких трибун, а пережитые и совпадающие у большинства ситуации повседневного опыта: «Именно в истории семьи отражается история всей страны, но только каким-то своим, совершенно неповторимым и, в то же время, одинаковым способом» (АОСПИ, соч. 19).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Горшков М.К., Авилова А.В., Андреев А.Л., Бызов Л.Г., Давыдова Н.М., Здравомыслов А.Г., Петухов В.В., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов // Мир России. 1996. Т. 5. № 2. С. 75—116. MIRROS.HSE.RU: журнал «Мир России». URL: <http://mirros.hse.ru/1996-5-2/55294204.html> (дата обращения: 01.08.2014).
2. Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011. 391 с.
3. Тараборин Р.С. Государственное и местное управление Польши // Чиновник. 2007. № 5: LAV.EDU.RU: федеральный правовой портал «Юридическая Россия». URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1277267> (дата обращения: 01.08.2014).
4. Черепанова Розалия Семёновна. Вспоминая советское: общее прошлое, разная память // VALERYTISHKOV: сайт В.А. Тишкова, академика РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1586.doc> (дата обращения: 22.06.2014).
5. АОСПИ (Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ НДВ ДВО РАН). Сочинения 1—69.